

ствия, что они постоянно принимали во внимание человеческие слабости, и потому, что не всегда приводили правдивые доводы в пользу истины».¹⁸ Этот фрагмент похож на ранний черновик статьи Раскольниковова.

Что же касается деления людей на разряды, с которого стартует логическая цепочка Раскольниковова, то его мы без труда обнаружим как в очень популярных сочинениях того времени, так и в творчестве самого Достоевского, о чем скажем чуть позже.

Пока же уточним: вот в эту двухъярусную идеологическую конструкцию, составленную из готовых заимствованных блоков и называемую теорией Родиона Раскольниковова, сам герой привнес единственный, но чрезвычайно существенный элемент: дескать, коль уж так все испокон веку идет и перемен никаких не предвидится — «Так доселе велось и так всегда будет!» (6, 321), — то почему бы не узаконить право необыкновенного человека (Ликурга—Солона—Магомета—Наполеона) проливать кровь, которое он и без того по собственной инициативе или по необходимости себе присвоит, почему бы не утвердить *кровь по совести* как неизбежную плату за прогресс.

Это только на первый взгляд в основе раскольниковского преступления лежат две разные (благородная и «наполеоновская») мотивировки. На самом же деле они замечательно стыкуются, дополняя и углубляя друг друга, и скрещение их вполне обосновано: в первой ведь уже таится вторая. Тот, кто берется перераспределять блага и роли, отнимать у недостойных и осчастливливать достойных, — *право имеет* вершить суд и воздаяние, а раз уж имеет, то, конечно, не для того только, чтоб старушонку ужокошить и мать от вязания, а сестру от Лужина избавить, но чтоб и самому утвердиться в этом праве, чтоб занять подобающее место в сложившемся раскладе, а там уж видно будет, как этим правом воспользоваться, там уж как пойдет. Именно в этом, перебрав и отвергнув все прочие обоснования, он признается Соне: «Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!..» (6, 322). Д. Мережковский и теорию Раскольниковова, и совершенное по ней действие очень точно назвал «*преступлением для преступления*», совершенным «с холодной, отвлеченной страстью ума, познания, любопытства, опыта».¹⁹ Весьма немаловажно и то обстоятельство, что статья «О преступлении» написана *за полгода до убийства* (6, 198), т. е. «арифметика» студента из трактира, услышанная Раскольниковым *за месяц до убийства* и совпавшая с намечавшимися у него мыслями, легла на хорошо подготовленную теоретическую почву, придав абстрактно-волюнтаристскому импульсу социально-гуманитарное оправдание. Вообще, похоже, кому-то из них — Достоевскому или Раскольникову, а может быть, обоим, не достало решимости ограничиться мотивом наполеонизма, и он был подкреплен и укреплен мотивом благородного разбоя, — это тем более очевидно, что конкретные факты вопиющей несправедливости, терзающие Раскольниковова, требующие от него *решиться* «или отказаться от жизни совсем» (6, 39), наплывают друг на друга в его судьбе и сознании уже *в самый канун* давно задуманного преступления.

В вопросе Порфирия Петровича по поводу раскольниковской теории: «...неужели вы бы сами решились — ну там ввиду житейских каких-нибудь

¹⁸ Там же. С. 209.

¹⁹ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 203.